«Пригородная революция» в региональном срезе (Улан-Удэ)

А. С. Бреславский

Анатолий Сергеевич Бреславский, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6. E-mail: anabreso5@mail.ru.

В статье рассматривается рост пригородов в крупных отечественных городах. Причины и источники так называемой постсоциалистической пригородной революции, связанной с активным частным строительством на периферии столичных городов в странах Восточной Европы, сходны с теми, что фиксируются в России. Это длительный жилищный кризис, ограничение частной собственности и частного жилищного строительства в советский период, деградация социально-бытовой инфраструктуры в центральных городских районах в 1990-е годы, либерализация отношений в области распределения и застройки городских и пригородных земель, внутренняя миграция из сельских территорий. Рост и развитие пригородной зоны Улан-Удэ — столицы Бурятии вполне вписываются в этот «постсоциалистический контекст», привнося в него важные региональные уточнения, связанные с местными жилищными традициями, уровнем доходов населения, характером сельско-городской миграции и пр. Среди направлений роста внутренних и внешних пригородов Улан-Удэ можно выделить следующие: усадебное деревянное малоэтажное строительство, переобустройство советских дач под круглогодичное проживание, строительство коттеджей и таунхаусов, многоэтажное строительство, разрастание и переобустройство пригородных сел и деревень. Пригородная зона Улан-Удэ получила монофункциональный (в основном жилой) характер, промышленное и торговое строительство здесь пока слабо развито. Слабое развитие получила социально-бытовая и инженерная инфраструктура, в результате чего пригородные микрорайоны приобрели гибридный сельско-городской облик.

Ключевые слова: пригороды, урбанизация, субурбанизация, Улан-Удэ, сегменты жилищной застройки, социальная география.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-90-101

Между современным Улан-Удэ и другими крупными российскими городами, несмотря на множественные региональные отличия, есть как минимум одно значимое сходство. Оно выражается в массовом росте пригородных зон за счет частной жилищной застройки в последние 15–20 лет. Уже с середины 1990-х годов отечественные города, особенно столицы регионов и, конечно, крупнейшие городские агломерации, стали активно расширяться за счет освоения сначала внутренних пригородов (городских окраин), а затем и внешних пригородов, не входящих в состав этих городов. Это явление, связанное со взрывным ростом частной застройки в посткоммуни-

Таблица 1. Численность населения столиц субъектов СФО РФ по данным переписи 1989 г. и на начало 2015 г.[1]

№	Субъект РФ	Численность		Прирост	
		перепись 1989 г.	01.01.2015	абсолютный, чел.	относительный, %
1	Горно-Алтайск	46 436	62 309	+15 873	+34
2	Улан-Удэ	352 513	426 650	+74 137	+21
3	Кызыл	84 641	114 181	+29 540	+35
4	Абакан	154 092	179 200	+25 108	+16
5	Барнаул	601 811	635 585	+33 774	+6
6	Чита	365 754	339 453	−26 301	−7
7	Красноярск	912 629	1 052 218	+139 773	+15
8	Иркутск	626 135	620 099	−6 036	−1
9	Кемерово	520 263	549 159	+28 896	+6
10	Новосибирск	1 436 516	1 567 087	+130 571	+9
11	Омск	1 148 418	1 173 854	+25 436	+2
12	Томск	501 963	564 910	+62 947	+13

стических странах, исследователи назвали постсоциалистической пригородной революцией (Confronting Suburbanization, 2014: 8–9). В многоукладной России эта «революция» уже получила некоторые местные особенности, выделяющие страну из панорамы, допустим, восточноевропейских городов (Бреславский, 2016). Это касается как основных факторов — движущих сил пригородного роста, его направлений, сегментов, последствий и результатов, так и практики управления пригородным развитием, которая сегодня складывается лишь в отдельных «передовых» городах.

В Улан-Удэ процессы пригородного роста приняли внушительный характер, в результате чего границы и площадь застроенной территории пригородной зоны за последние 25 лет существенно расширились, причем застройка имела по многим параметрам нерегулируемый характер (Бреславский, 2014а). Население внешних пригородов (в радиусе 25 км от центра города), не входящих в со-

1. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. http:// demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (06.10.2016). Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года. М., 2015. С. 105–213.

став городского округа ежегодно, выросло с 1989 по 2015 год с 17 до 57 тыс. человек[2] (то есть в 3,4 раза) и продолжает расти.

С 1989 по 2016 год численность населения самого Улан-Удэ увеличилась с 352,5 до 430,5 тыс. человек, то есть на 78 тыс. человек, или на 21%. Много это или мало по сибирским меркам? Если взглянуть на сведения об изменении численности населения в столицах регионов Сибирского федерального округа за последние 25 лет (табл. 1), то мы увидим, что по темпам прироста населения за последние 25 лет Улан-Удэ расположился на третьем месте среди 12 городов. На первом и втором месте — Горноалтайск (к слову, единственный город Республики Алтай) и Кызыл (единственный крупный город Тувы, как и Улан-Удэ в Бурятии). Население этих городов выросло на 35 и 34% соответственно, то есть более чем на треть. Оба города — столицы национальных регионов, как и Улан-Удэ, они стали главными центрами притяжения для местных сельских мигрантов.

В 2015 году Улан-Удэ также находился на третьем месте по абсолютному приросту населения, проще говоря, по количеству новых жителей в период между 1989 и 2015 годами, уступая в этом лишь крупнейшим сибирским городам — Красноярску и Новосибирску, население каждого из которых увеличилось за это время более чем на 130 тыс. человек, в то время как население Улан-Удэ — на 74 тыс. человек. Обратим внимание на Иркутск и Читу, которые в 2015 году даже не преодолели порог 1989 года.

В Улан-Удэ массовое частное жилое строительство за счет укрупнения и уплотнительной застройки внутригородских районов, строительства новых микрорайонов в черте города и в пригороде оказалось связано в основном с тремя обстоятельствами — движущими силами. Во-первых, с длительным кризисом в области городских жилищных программ в сфере обеспечения жильем в советское время. Очереди на жилье в городе с 1930-х годов никогда не исчезали, несмотря на серьезные масштабы многоэтажного панельного жилищного строительства в течение последних советских десятилетий (Минерт, 1983: 91, 105–110, 114, 146; Zhimbiev, 2000: 4). Необходимо иметь в виду, что население города в советский период росло значительными темпами — с 20 до 360 тыс. человек, и можно представить те сложности в обеспечении граждан жильем, с которыми сталкивались городские власти. Так или иначе, но к концу советского периода в городе сформировался высокий спрос на (собственное) жилье, который был активно реализован горожанами в 1990–2000-е годы.

Второй фактор взрывного роста пригородных территорий Улан-Удэ (и российских городов в целом) — это децентрализация управления в области распределения и застройки городских и пригородных территорий. Уход государства из управления городами, отказ

2. Рассчитано мной по данным Всесоюзной переписи 1989 г. и данным Бурятстата на 01.01.2016.

от жестких форм контроля в распределении городских земель привели к высокой либерализации отношений в сфере застройки городских и пригородных территорий в 1990–2000-е годы, массовому самовольному строительству без разрешительных документов и одобрения городских властей. Несмотря на то что местные власти получили реальную возможность управлять своей территорией, которой они фактически были лишены в советское время, они потеряли государственные субсидии и средства, которые прежде крупные промышленные предприятия выделяли на благоустройство подведомственных им городских территорий (рабочих поселков, дач и т. п.). Это негативно повлияло на возможности городской администрации решать проблемы внутригородских районов, вопросы жилищного строительства, обслуживания и ремонта городского жилья, социально-бытовой инфраструктуры. В 1990-е годы многие городские микрорайоны в силу недостатка финансирования пережили социально-бытовую, инфраструктурную деградацию. Это также побудило многих горожан к строительству или покупке своего собственного частного жилья на городских окраинах или в пригороде (за границами городского округа).

Третье существенное обстоятельство, повлиявшее на расширение частной жилищной застройки в постсоветском Улан-Удэ и особенно в его пригородной зоне, — усилившаяся с середины 1990-х годов сельско-городская, внутриреспубликанская миграция. В общероссийских миграционных процессах Улан-Удэ в 1990–2000-е годы преимущественно отдавал население западносибирским, центрально-европейским и южным регионам страны и в значительно меньшей степени сам принимал переселенцев с востока России. В отличие от некоторых других крупных городов Сибири и Дальнего Востока (Новосибирска, Красноярска, Владивостока) Улан-Удэ слабо привлекал внутрирегиональных (сибирских и дальневосточных) мигрантов. Увеличение населения Улан-Удэ в постсоветский период (с 360 до 430 тыс. человек) в условиях высокого оттока местных жителей в другие российские города оказалось возможным во многом благодаря тому, что город стал главным центром миграционного притяжения внутриреспубликанских (в основном сельских) мигрантов.

По общероссийской тенденции за последние 25 лет столица республики активно стягивала население из сельских и городских поселений региона, менее ресурсных с точки зрения рынка труда, развитости экономики, образовательной и культурной инфраструктуры, на что указывают и проводимые исследования (Бреславский, 2014а; Рандалов, Хараев, Чукреев, 2005). Сельчане стабильно пребывали и пребывают в Улан-Удэ, в результате чего, только по официальным данным, в городе сегодня проживает около половины всех жителей республики.

Перечисленные обстоятельства вместе с другими факторами привели к тому, что к концу 2010-х годов значительная по площа-

ди территория Улан-Удэ уже не могла обеспечить неослабевающий спрос на земельные участки для индивидуального жилищного строительства.

Ключевыми направлениями частного жилищного строительства в пригородах Улан-Удэ в 1990–2000-е годы, как мы выяснили в ходе исследования, стали следующие пять. Первое и наиболее масштабное направление связано с частным индивидуальным одно- и двухэтажным строительством и уплотнительной застройкой городских окраин, отдаленных микрорайонов[3] Улан-Удэ. Это главным образом деревянное строительство, которое к концу 2014 года, по моим подсчетам, занимало 62% застроенной территории города. Столь широкое развитие деревянного строительства в границах города оказалось возможным вследствие доступности и относительной дешевизны древесных строительных материалов в Бурятии по сравнению с другими материалами для жилищного строительства. Купить участок в пригороде и построить на нем дом (без централизованного отопления и водоснабжения) с минимальным ремонтом обходится в два раза дешевле, чем купить квартиру в центральной части Улан-Удэ (такой же площади). Кроме того, деревянное жилье более предпочтительно при индивидуальном строительстве в Бурятии, нежели бетонное или кирпичное, поскольку оно лучше сохраняет тепло в условиях сибирских морозов (до минус 30–40 градусов). Индивидуальное деревянное жилищное строительство в Улан-Удэ в 1990–2000-е годы вполне соответствовало уже реализуемой в городе в советское время жилищной традиции. Иными словами, такого рода строительство хоть и не поощрялось, но имело место и в советском Улан-Удэ.

Часть этого первого направления — самовольное строительство, вызвавшее волну общественных дебатов и периодические единичные столкновения с городскими властями с начала 2000-х годов до настоящего момента (Карбаинов, 2007). Масштабы улан-удэнских скваттерских поселений превзошли размах этого явления в европейской части России. Этому «поспособствовала» долгое время применявшаяся практика легализации самовольного строительства уже после его завершения без серьезного административного наказания. Только в период с 2001 по 2013 год, по данным мэрии, в Улан-Удэ было возведено 2370 самовольных построек и еще 3780 «самоволок» осталось городу в наследство от советских времен[4]. Только

3. Отдаленные микрорайоны — официальная номинация, обозначающая микрорайоны Улан-Удэ, удаленные физически от центральной части города, но входящие в его состав.

4. Основные результаты за 2013 год и перспективы деятельности органов местного самоуправления городского округа «город Улан-Удэ» по решению вопросов местного значения и социально-экономическому развитию городского округа на 2014 год. http:// www.ulan-ude-eg.ru/razvit/Ocenka_effektivnosti/4.1/Ulan-Ude%20svod.pdf.

к середине 2010 года ужесточение контроля за распределением земель остановило этот процесс. Большинство самовольщиков получили возможность юридически закрепить права собственности на землю и жилую недвижимость.

Второе направление в жилищном строительстве постсоветского Улан-Удэ — многоэтажное строительство (от 3 до 16 этажей) силами крупных строительных компаний. Это направление получило развитие в городе уже после 1990-х годов в связи со стабилизацией доходов населения, ростом потребительского спроса на благоустроенные квартиры, развитием института ипотеки и долевого строительства. Оно нашло выражение главным образом в уплотнительной застройке — на территориях городских микрорайонов, уже сформированных в советское время. Однако постепенно развивается и сегмент комплексной, широкомасштабной многоэтажной застройки ранее не освоенных территорий (юго-западное направление). К сожалению, для тех, кто видит Улан-Удэ высотным, этот сегмент значительно уступает по своим масштабам малоэтажному строительству. Главная причина — слабый внутренний спрос, бедность среднего класса городского населения.

Третье направление пригородного развития в Улан-Удэ — переобустройство городских летних дач в добротное жилье для круглогодичного проживания (также деревянное, одно- и двухэтажное). Дачи в качестве летнего жилья, места для летнего отдыха и любительского земледелия стали массово появляться в городе с 1960-х годов. Сегодня в Улан-Удэ действует более 30 дачных и садовых некоммерческих товариществ, в большей части которых обозначенные процессы переобустройства и протекают. Переезд на постоянное место жительства на дачу в 1990–2000-е годы позволил решить жилищную проблему многим горожанам, чьи семьи расширялись, а также многим новым сельским мигрантам, которые не смогли приобрести жилье в более дорогих районах города. На дачных участках вместо небольшого летнего домика с тонкими стенами строят дом с отоплением, баню, гараж и пр. Надо сказать, дачи в Улан-Удэ, как и во всех крупных городах России, являются одной из заложенных основ субурбанизации. Вместе с тем, как недавно отметил российский географ А. И. Трейвиш, наше «дачеведение» до сих пор неадекватно масштабам дачевладения в стране, которая может считаться рекордсменом в мире по числу этого вида второго жилья (Трейвиш, 2014: 24).

Четвертое направление пригородного развития Улан-Удэ в постсоветский период — строительство коттеджей и таунхаусов в зоне городской периферии, в том числе небольших комплексов силами крупных строительных компаний, с привлечением значительных инвестиций. Это направление, по моим наблюдениям, менее масштабно в сравнении с первым, вторым и третьим[5]. Несмотря на то что

5. К сожалению, собираемая в России в целом и Улан-Удэ в частности статистика в сфере жилья и жилищного строительства, в том числе в обла-

первые коттеджи, ставшие символом переходного периода, появились в Улан-Удэ уже к середине 1990-х годов, их прирост в общей структуре городского жилья ежегодно не столь велик, как, например, в крупных городах Центральной и Восточной Европы. Так как численность Улан-Удэ достаточно значительна и превышает сегодня 420 тыс. человек, количество богатых семей из реального среднего класса здесь относительно невелико. И количество закрытых пригородных поселений, которые Соня Херт назвала «новым железным занавесом» в постсоциалистических городах (Hirt, 2012), в Улан-Удэ невелико: один действительно закрытый, за высоким забором роскошный комплекс таунхаусов «Европа», квартиры в котором оказались не востребованы из-за их дороговизны, и не более десяти небольших коттеджных поселков в разных частях города.

Наконец, пятое направление, уже более тесно связанное с развитием загородной зоны, — разрастание пригородных сел и деревень на границах Улан-Удэ, не входящих в городской округ. Это более 20 поселений трех сельских районов Бурятии: Заиграевского, Иволгинского и Тарбагатайского (Бреславский, 2014b). Все пригородные поселения в советский период являлись пригородами Улан-Удэ исключительно географически (располагаясь на физических границах городского округа), имели главным образом сельскохозяйственное назначение, а население работало преимущественно на местных сельскохозяйственных предприятиях. Пригородное положение этих поселений еще не сильно влияло на трудовые практики и образ жизни местного населения. Начиная с 1990-х годов, в особенности в 2000-е годы, ситуацию меняет рост миграционной привлекательности этих территорий, связанный с удорожанием земли и жилья в черте города Улан-Удэ. В результате наблюдается существенный рост и обновление местных сообществ, выстраивается их социальная (связанная прежде всего с профессиональной занятостью) ориентация на город, что позволяет говорить о рассматриваемых поселениях как о пригородных уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле.

Сегодня активный рост (разрастание) поселков и деревень в пригородной зоне столицы республики (в Иволгинском, Заиграевском и Тарбагатайском районах Бурятии) фактически является одним из главных направлений демографического и территориального роста Улан-Удэ. Пригородная зона начинает оказывать все большее влияние на городской рынок труда и потребления, на загруженность городских автодорог, детских садов, школ, поликлиник и т. п.

Освоение пригородной зоны Улан-Удэ в постсоветский период можно условно подразделить на два этапа. Первый (начальный этап) хронологически укладывается в период с начала 1990-х

сти второго жилья, крайне бедна, что не позволяет говорить о точных пропорциях в структуре типов жилья.

до середины 2000-х годов и характеризуется низкой интенсивностью освоения пригородных территорий. Второй этап (с середины 2000-х годов до наших дней), наоборот, отмечен интенсивным освоением и заселением пригородной зоны. Наибольшую интенсивность эти процессы приобрели в последнее время (2010–2015 годы).

На расстоянии 30 км от центра Улан-Удэ расположен сегодня 21 населенный пункт. Каждый из них входит в состав того или иного сельского поселения Заиграевского, Иволгинского или Тарбагатайского района республики. Так, более половины поселений (12) расположены в Иволгинском районе, шесть — в Тарбагатайском и три — в Заиграевском.

Пригородное положение по-разному повлияло на развитие обозначенных поселений за последние 25 лет. Где-то рост населения и числа домохозяйств привел к многократному увеличению как самих поселений, так и местных сообществ, а где-то эти изменения оказались совсем незначительными. Сравнив данные по численности и размещению жителей в этих поселениях за два последних переписных периода (1989–2002 гг., 2002–2010 гг.), можно отметить, в частности, что два из них — Поселье и Нурселение — стали своего рода рекордсменами в демографическом росте: зарегистрированное население здесь увеличилось за обозначенное время в 19 и 13 раз соответственно. В шести поселениях (Ошурково, Дабата, Улан-Иволгинский, Саратовка, Красноярово, Николаевский) рост был незначителен (до 8%), а в трех (Тапхар, ст. Саянтуй, Верхний Саянтуй) вообще было зарегистрировано сокращение численности местных жителей. В остальных же поселениях рост населения составил от 75 до 660%. Показатели эти, безусловно, сложились за счет миграционного прироста.

Сами по себе пригородные поселения разнородны, они серьезным образом отличаются друг от друга по ряду показателей: административному статусу, уровню развития социально-бытовой инфраструктуры, транспортной доступности, расстоянию до города и пр. В частности, в этом списке есть центр сельского района Бурятии (Иволгинск) и небольшие улусы (Улан-Иволгинский, Дабата, Нарын-Шибирь), есть относительно развитые в смысле инфраструктуры поселения (Сотниково, Эрхирик, Нижний Саянтуй) и те, в которых и сегодня нет каких-либо государственных социальных учреждений, будь то школы, детские сады, поликлиники и т. п. Большую их часть объединяет одно — советское прошлое: в XX веке они сформировались при колхозах, совхозах, их отделениях, а также при учхозах и небольших промышленных предприятиях. После распада СоветскогоСоюза и системы государственной поддержки сельского хозяйства все сельскохозяйственные предприятия постепенно были закрыты, местное население начало осваивать улан-удэнский рынок труда.

Рассматриваемые поселения сегодня сложно сопоставить с пригородами, например, западных городов по ряду критериев: уров-

ню инфраструктуры, идентичности и социальному составу местных жителей, образу жизни. Практически все из обозначенных поселений вплоть до последнего времени представляли собой достаточно типичные для Бурятии одноэтажные слабоурбанизированные сельские населенные пункты, жители которых вели сельский образ жизни с характерными для него сферами деятельности (животноводство, приусадебное хозяйство и пр.); превалирующей была и «сельская» идентичность.

В среде новых жителей, осевших в пригородных поселениях Улан-Удэ в 1990–2010-е годы, выделяются две группы: выходцы из сельской Бурятии и сами горожане. В количественном отношении доминировали сельские мигранты (92,3%, 2014 г.) среднего возраста с доходами среднего и ниже среднего уровня. Можно сказать, что основным источником освоения пригородных территорий современного Улан-Удэ стала именно сельская Бурятия, а не сам город, а главными участниками этого процесса — сельские мигранты, а не коренные горожане. Это отличает Улан-Удэ от многих крупных городов нашей страны, в которых пригороды в постсоветский период формировались главным образом самими городами (горожанами, выезжающими в пригороды ради более благоприятных условий жизни). Строго говоря, массовое развитие пригородов Улан-Удэ сегодня — это не результат субурбанизации в ее классическом англо-американском понимании, связанном с желаемым переездом горожан из центральной части города в пригороды с благополучными условиями жизни. В этом случае речь идет скорее о продолжении урбанизации, центростремительных потоков сельско-городской миграции, правда основанных уже не на индустриализации территории, как это было в советские годы.

Отношения новых переселенцев с местными жителями в улан-удэнских пригородах складываются в подавляющем большинстве случаев без каких-либо серьезных проблем. Мигранты (в основном сельчане и улан-удэнцы) не вызывают у коренных жителей какого-либо интереса, поскольку ведут достаточно типичный для местных поселений образ жизни, имеют сопоставимые доходы, в целом не конкурируют с местным населением на сельском рынке труда и т. п. На это влияет и традиционно высокий уровень культурной толерантности в Бурятии и пригородное положение поселений, подталкивающее местных жителей более лояльно относиться к приезжим, среди которых практически нет иностранных мигрантов.

С точки зрения формирующего архитектурного ландшафта застройки ситуация по всем поселениям в общем одинакова: большинство жилищных новостроек (в том числе дворовые постройки) выполнены из дерева, сохраняют утилитарный деревенский стиль без каких-либо архитектурных изысков. Вместе с тем новые дома, которые активно строят новые жители в пригородной зоне, в подавляющем большинстве не являются временным жильем — построены они основательно.

Несмотря на то что рассматриваемые пригородные села в последние 10–15 лет стали пригородными уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле, более глубоко обозначилась их связь с городом, увеличилось их население, а сами они расширились. В целом они сохранили вид достаточно типичных слабоурбанизированных сельских поселений. Здесь слабо развита социально-бытовая инфраструктура, инфраструктура отдыха и развлечений, внутрипоселковые дороги требуют серьезного ремонта, в отдельных поселениях по-прежнему существуют проблемы с водоснабжением и т. п. При увеличивающемся количестве частного автотранспорта они сохраняют высокую зависимость от общественного транспорта. Имеется множество инфраструктурных и бытовых проблем, наиболее важными из которых являются проблемы электрификации и водоснабжения, транспортной доступности, дошкольного и школьного образования, медицинского обслуживания, социально-бытового благоустройства.

С эстетической точки зрения новые пригороды Улан-Удэ, очевидно, вызывают много вопросов. Дома, приусадебные участки, ограждения в подавляющем большинстве пока не получили сколько-нибудь законченного оформления, практически отсутствует практика озеленения придомовых территорий: на улицах нет ни деревьев, ни кустов, у домов не разбивают палисадники с цветами, как это, допустим, принято во многих поселениях сельской Бурятии. Несмотря на то что массовое частное строительство решило проблему жилищного голода, связанную с недостатком жилья в советский период и постсоветской сельско-городской миграцией, город приобрел множество инфраструктурных проблем, которые ему еще предстоит решить. Очевидно, городу предстоит также осознать те проблемы, которые порождает такого рода экстенсивная и неустойчивая форма развития пригородов вширь.

Для исследователей пригородного роста в крупных российских городах Улан-Удэ может быть интересен, с одной стороны, как отчетливо хороший пример «постсоциалистической пригородной революции» со всеми ее источниками и параметрами, а с другой стороны — как кейс, который вносит важные региональные уточнения в этот обсуждаемый сегодня относительно новый концепт. Местные жилищные традиции в индивидуальном строительстве, тесно связанные с климатом и доходами населения, особенности советской урбанизации республики, особая роль города в общественном сознании ее жителей, нерегулируемый характер сельской миграции вносят свои дополнения в пригородное развитие отечественных городов, делая случай Улан-Удэ вполне специфическим на общей карте крупных городов России.

Библиография

Бреславский А. С. (2014a). Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период /науч. ред. М. Н. Балдано. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.

Бреславский А. С. (2014b). Численность и размещение населения в пригородах Улан-Удэ (1989–2010 гг.) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. № 2 (14). С. 96–101.

Бреславский А. С. (2016). Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России. № 1. С. 79–102.

Карбаинов Н. И. (2007). «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли // Социс. № 11. С. 136–139.

Минерт Л. К. (1983). Архитектура Улан-Удэ. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во.

Рандалов Ю. Б., Хараев Б. В., Чукреев П. А. (2005). Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.

Трейвиш А. И. (2014). «Дачеведение» как наука о втором доме на западе и в России // Известия РАН. Серия «География». № 4.

Confronting Suburbanization (2014). Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe / Ed. by K. Stanilov, L. Sykora. Oxford: Wiley-Blackwell.

Hirt S. (2012). Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City. Oxford: Wiley-Blackwell.

Zhimbiev B. (2000). History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. L.: The White Horse Press.

“Suburban Revolution”: The regional case (Ulan-Ude)

Anatoly Breslavsky, Research Fellow, PhD (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Science. Address: 6, Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation. E-mail: anabreso5@mail.ru.

The author considers the processes of suburban growth in major Russian cities that becomes more and more visible, and at the same time has much in common with the processes of development of other large cities in post-socialist countries. The driving forces of the so-called “post-socialist suburban revolution” in Russia determined by the rapid growth of private housing construction on the periphery of the capital cities are similar to those typical for Eastern European countries. They are as follows: the prolonged housing crisis, restrictions on the private property and private housing construction in the Soviet period, degradation of the social infrastructure in central districts of the cities in the 1990s, liberalization of distribution and developing of urban and suburban areas, in-migration from rural areas—all these factors have a significant impact on the growth of cities with a million-plus population as well as on smaller regional capitals. The growth and development of the suburban zone of Ulan-Ude—the capital of the Republic of Buryatia—quite fit into this “post-socialist context” though with important regional features related to local housing traditions, level of income, character of rural-urban migration, etc. The key directions of growth of the inner and outer suburbs of Ulan-Ude are as follows: wooden low-rise housing construction, transformation of dachas into places of year-round accommodation, construction of cottages and townhouses, high-rise housing construction, development and reconstruction of suburban villages. The suburban area of Ulan-Ude has mono-functional character (residential areas) for the industrial and commercial construction and social and public infrastructure are still poorly developed, which determines the rural-urban look of the suburban micro-districts.

Key words: suburbs, urbanization, suburbanization, Ulan-Ude, segments of housing development, social geography

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-90-101

References

Breslavsky A. S. (2014a) *Nezaplanirovannye prigorody: sel'sko-gorodskaya migraciya i rost Ulan-Ude v postsovetskij period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period], Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN [Publishing house of the Buryat Scientific Centre of the Siberian Division of the Russian Academy of Sciences].

Breslavsky A. S. (2014b) *Chislennost' i razmeshchenie naseleniya v prigorodah Ulan-Ude (1989–2010)* [Population and its Distribution in Suburbs of Ulan-Ude (1989–2010)]. Vestnik buryatskogo nauchnogo centra SO RAN [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], no. 2 (14), p. 96–101.

Breslavsky A. S. (2016) *Kakoj mozhet byt' rossijskaya suburbanizaciya?* [Possible Modes of Suburbanization in Russia]. Mir Rossii [Universe of Russia], vol. 25, no. 1, p. 79–102.

Karbainov N. I. (2007) *Nahalovki Ulan-Ude: ogorazhivanie prigorodnoj zemli* [«Nakhalovka» of Ulan-Ude: «Fencing» of the suburban land]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies], no. 11, p. 136–139.

Minert L. K. (1983) Arhitektura Ulan-Ude [Architecture of Ulan-Ude], Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo [Buriat Book Publishing House].

Randalov Yu. B., Haraev B. V., Chukreev P. A. (2005) *Migracionnye nastroeniya sel'skih zhitelej: deystvuyushchie faktory i tendencii (po materialam sociologicheskogo issledovaniya v Respublike Buryatiya)* [Migration Mood of Rural Population: Current Trends and Factors (on the Example of Buryatia)], Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN [Publishing house of the Buryat Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences].

Treyvish A. I. (2014) «*Dachevedenie» kak nauka o vtorom dome na zapade i v Rossii* [Studies of Dachas in the West and in Russia]. Izvestiya rossiiskoi akademii nauk, series "Geography" [Bulletin of the Russian Academy of Sciences, Geography Series], no. 4, p. 22–32.

Confronting Suburbanization (2014): *Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe* /Ed. by K. Stanilov, L. Sykora. Oxford: Wiley-Blackwell.

Hirt S. (2012) *Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City*. Oxford: Wiley-Blackwell.

Zhimbiev B. (2000) *History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude*. London: The White Horse Press.